
ЮБИЛЕЙНЫЕ СОБЫТИЯ

К 205-летию со дня рождения Н. В. Гоголя

А. В. Крейцер

О ГОГОЛЕ И ИЕРУСАЛИМЕ

Занимаясь творчеством Н. П. Анциферова, я понял значимость разрабатываемого им понятия «дух места». Нельзя рассуждать о Париже, Иерусалиме и любом другом городе или месте, не побывав в них, не почувствовав их цвет, запах, время и пространство локуса, о котором пишешь.

Мысли, изложенные ниже, были продиктованы моей поездкой в Иерусалим. Подчеркну, что это именно мысли, а не строго научный анализ. Но логика мысли может подчиняться принципам, весьма близким тем, которые используются при научном анализе.

Разумеется, мое посещение Иерусалима никак не было связано с гоголевским, ни в чем не повторяло и не исправляло его. Но тему «Гоголь и Иерусалим» это посещение помогло понять глубже.

Известно, что еще в начале 1842 году Гоголь получил от преосвященного Иннокентия, в ту пору епископа Харьковского, благословение на путешествие в Иерусалим. С. Т. Аксаков рассказал о никогда не виданном раньше «сияющем, просветленном лице» писателя после этого благословения. Похоже, что в нем Гоголь видел повеление свыше. Но в ту пору так и не поехал в Иерусалим. По гоголевским письмам можно сделать вывод: ждал пока очистится и будет достойным. Но ждал ли он очищения только перед Иерусалимом или очищения для того, чтобы «начать подвиги и великое поприще»? Для христианского сознания очевидно: только после пережитого Иерусалима Гоголь имел право писать великую Книгу, которую задумал. Перед написанием продолжения «Мертвых душ» Иерусалим мог бы стать источником очищения и просветления гоголевской души.

Для рождения нового Слова нужно посетить Иерусалим, узреть его.

Ведь Иерусалим — это Крест, без которого нет Воскресения. Нет воскресения и преображения Чичикова и помещиков в «Мертвых душах», которое Гоголь закономерно безуспешно пытался показать в сожженном продолжении поэмы. Проходимец Чичиков, в конце первого тома взлетающий едва ли не к самому небу в бричке, становящейся птицей-тройкой, вел и привел Русь к апокалиптическому падению 1917 года, последствия которого мы ощущаем до сих пор...

Об Иерусалиме писатель думал постоянно. И не расставался с образом Спасителя, который подарил владыка Иннокентий. Однако все время тянул с паломничеством. А ведь с владыкой Иннокентием Николай Гоголь собирался встретиться у Гроба Господня еще тогда, в начале 40-х. Выслал ему только что вышедший первый том «Мертвых душ», написав: «Это бледное начало того труда, который светлой милостью небес будет много не бесполезен». Но очевидно, что именно эта книга питала гоголевскую гордыню и мешала путешествию. Уже в начале 43-го Гоголь собирался ехать к Святым местам по завершении «Мертвых душ», а не перед началом труда созидания второго тома, о чем и писал Аксакову. Очень многое говорит: «очищение», необходимое для паломничества в

Иерусалим, Гоголь лишь придумывал, чтобы обмануть себя. Главным, что мешало отправиться в дальнюю дорогу, было горделивое желание прежде этой поездки завершить второй и третий тома «Мертвых душ». А ведь могло бы быть все наоборот... Прежде, чем начинать Труд, художник мог бы положить его к подножию Креста Господня, отдать свою будущую книгу Его воле. Между тем, Гоголь постепенно стал мыслить, что окончание труда его пред путешествием так необходимо ему, как необходима душевная исповедь пред святым причащением. В середине 43-го он как будто что-то понял. И паломничество в Иерусалим стало уже не признаком окончания романа, а представилось необходимым условием самого творчества, поощрением и возбуждением его. Роман стал отступать, уходить в даль, в глубь и тень. Но Гоголь снова принялся учительствовать — «Выбранные места из переписки с друзьями». И так проходили годы. Туда–обратно, туда–обратно. Каждый раз как писатель только собирался в Иерусалим, возникало какое-то дело, которое надо окончить прежде, чем ехать. Завершал дело, начинал готовиться к паломничеству, и опять казалось, что можно ехать в Святую землю, только окончив очередной труд. Поехал в 1848 году в Иерусалим, когда уже почти не мог писать. А попав туда, не узнал Святой град... не узнал, потому что поздно приехал. Поездка не произвела сильного впечатления. Тот роман, который мог бы быть, Гоголю уже было не написать. Творческие силы ушли на гордыню и ложь, в основе которой третьеримская идея созидания Царства Божия на земле до предназначенного Богом срока. . .

Гоголевское паломничество в Иерусалим осуществилось тогда, когда творчество уже было безвозвратно загублено.

Отказ от него стал религиозным подвигом. Душа, может быть, была спасена. Но не творчество.

И не было ли очевидное «недостижение» Гоголем духовного Иерусалима в творчестве лишь отражением неоспоримого факта: Россия со столицей в Петербурге во времена Николая Васильевича не прошла свой Крестный путь? Он был впереди вместе с террором народовольцев, русскими революциями, голодом, Гражданской войной, красным террором, сталинскими репрессиями, Отечественной войной и финалом Крестного пути Петербурга — ленинградской блокадой. Потому гоголевский Чичиков и не смог преобразиться, что к преобразению не была готова Россия его времени.

Свет преображения забрезжил над Петербургом в блокадную и послеблокадную пору, когда город был удивительно красив... О чем в готовящейся к печати книге о Н. П. Анциферове.